

УДК 801.73

**СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ГОГОЛЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ
В «ПОХОЖДЕНИЯХ ЧИЧИКОВА» М.А. БУЛГАКОВА**

© 2018 г.

О.Ю. Осмухина, Е.С. Иванова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

osmukhina@inbox.ru

Поступила в редакцию 19.03.2018

С помощью сравнительно-исторического метода и метода целостного анализа литературного произведения осмысливается гоголевская традиция в творчестве М.А. Булгакова. Установлено, что в «Похождениях Чичикова» представлен гротескный образ современной писателю России, тех политических и социальных реалий, в которые помещаются гоголевские персонажи «Мертвых душ». Посредством сопоставления гоголевской эпохи и постреволюционной России 1920-х гг. прозаик оценивает культурный уровень современного общества. Булгаков не просто опирается на гоголевский опыт создания абсурдной реальности посредством гротеска, создания комических и откровенно смеховых ситуаций, но и расширяет его, в том числе переосмысливая прием «диковинного сна». Похождения Чичикова в реалиях «нового времени» репрезентированы как сон, подчеркивающий фантастическую природу новой российской действительности.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, М.А. Булгаков, мотив, прием, рассказ, сюжет, традиция, цитата.

Общеизвестно, что отличительной особенностью поэтики М.А. Булгакова считается тесная философско-эстетическая связь с традицией классиков русской литературы XIX в. – Н.В. Гоголя прежде всего, на что неоднократно указывали отечественные литературоведы [1–16]. Диалог Гоголя и Булгакова в контексте времени – это широкий круг вопросов, связанных с природой различных форм фантастики и философией русского абсурдизма, с судьбой отдельных прозаических форм и типологией комедийного мироздания. Как справедливо отмечает А.С. Янушкевич, именно М.А. Булгаков «открывает традицию синтетического стиля Гоголя, опираясь на поэтику его фантазмагорий», при этом художественная задача писателя – выявить в мире абсурда «моменты прозрения и очищения души» [16, с. 38–39], т. е. задача, в свое время стоявшая перед Гоголем. Наиболее примечательны в данном контексте, на наш взгляд, «Похождения Чичикова» (1922).

Оговоримся, что современное булгаковедение, ориентированное на поиск и выявление гоголевских интертекстуальных связей, очень разнообразно. В последние десятилетия литературоведы изучают, во-первых, актуализацию Булгаковым ключевых свойств идиостиля великого предшественника [17, с. 284–287], во-вторых, специфику переосмысления гоголевской традиции гротеска в его прозе и драматургии [1; 9, с. 67–68; 10, с. 137–144; 11, с. 29–35], в-третьих, воплощение мистического, inferнального начала прозы Гоголя в булгаковском творчестве [2, с. 4–9; 3, с. 19–24; 8, с. 152–170;

18]. Как указывает П.А. Горохов, Булгаков «часто становился на ту тропу, которую проложил в русской литературе автор “Страшной мести” и “Вия”. Вряд ли найдется еще какой-нибудь русский прозаик в двадцатом столетии, который так много и часто описывал явления нечистой силы и не уставал намекать своим читателям, что без дьявольского вмешательства ничего на этой земле не происходит» [2, с. 5]. Обращение к гоголевскому опыту помогало Булгакову раскрыть «смысл и назначение истории, специфику исторического процесса, соотношение истории и природы, свободы и необходимости в историческом творчестве, роль личности в истории» [2, с. 9]. Принципиальным вкладом в исследование гоголевской традиции в творчестве Булгакова стали исследования, посвященные булгаковской антономасии (игра именами) как одной из «акцентированных черт» его поэтики» [9, с. 47], в чем, безусловно, заметно влияние прежде всего гоголевской традиции, а также интертекстуальности как форме писательского диалога Гоголя – Булгакова [1]. Заметим, что при всей значительности достижений отечественного булгаковедения последних лет большинство литературоведческих работ, осмысливающих специфику преломления гоголевского опыта в наследии Булгакова, посвящено прежде всего романам «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», повестям «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада» и др., тогда как его «Похождения Чичикова» остаются если не вне, то явно на периферии исследовательского интереса, видимо, в силу оче-

видности формальных (фабульных, жанровых) переключек и схождений. Однако рассказ этот весьма примечателен в плане заявленной проблематики, более того, прием «диковинного сна» как средства абсурдизации условно-реального мира, ставший важной составляющей художественного мира и творческой доминантой как Н.В. Гоголя, так и М.А. Булгакова, до сих пор не получил должного рассмотрения.

Рассказ М.А. Булгакова явился непосредственной реакцией писателя на странную, с его точки зрения, для революционной страны социальную стратификацию: с одной стороны, обнищавший, истерзанный недавней войной и только что пережитым голодом трудовой люд и интеллигенция, с другой – нэпманы, сытые, довольные жизнью, так называемые «деловые люди», а нередко явные мошенники и проходимцы. Примечательно при этом, что «Похождения Чичикова», от названия и эпиграфа к нему из «Мертвых душ» до прямых обращений героев и автора собственно к Н.В. Гоголю, построен на остроумном использовании фабулы и персонажей «Мертвых душ», переселённых Булгаковым в «диковинном сне» в Москву начала 1920-х годов.

На непосредственную связь с гоголевским контекстом указывает, во-первых, жанровое обозначение «Похождения Чичикова» («поэма в X пунктах») по аналогии с гоголевской жанровой номинацией «Мертвых душ». Примечательно, что, равно как и у Гоголя, подобное определение жанра у Булгакова оправдано активностью лирического начала, то есть тем, насколько принципиально значимым оказывается авторское «я», пронизывающее ткань текста. Мало того, в случае с Булгаковым подзаголовок «поэма» – это еще и прямое указание на внутреннюю связь с гоголевской книгой: как и у великого предшественника, мир, где действуют булгаковские персонажи, ирреален, не подчиняется законам здравого смысла (справедливости ради, заметим, что впоследствии сходным образом будет построена и поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», в которой, равно как и в «Мертвых душах», русская реальность предстает фантастичной: дороги в ней не ведут к цели, но уводят от нее, а сама жизнь противится любому расчету).

Во-вторых, примечателен эпиграф к рассказу. Булгаков использует отрывок из поэмы Гоголя «Мертвые души» без прямого указания на претекст: «– Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков Селифану. – Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж» [19, с. 230]. Цель эпиграфа, являющегося важнейшей частью заголовочно-

финального комплекса и задающего тематику, мотивику и т. д. всего последующего повествования, прежде всего, состоит здесь в читательском узнавании гоголевской поэмы, гоголевских героев; намеке на начало еще одной авантюры.

Эпиграф предваряет все последующие события. Так, строки, фиксирующие движение дельца Чичикова, переключаются с появлением героя и его движением по Советской России: «Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам», появляется Павел Иванович в России, спустя более полувека [19, с. 230]. Одновременно булгаковский эпиграф создает контраст, необходимый гротеску, – контраст с реальной действительностью, с бедами самого автора, высказанными в конце рассказа: в эпиграфе содержится символическое указание на проблему «столкновения» человека и государства, условными знаками которых выступают бричка Чичикова и казенный экипаж. Здесь же незримо присутствует и гоголевская несущаяся вперед птица-тройка, под которой «дымом дымится дорога», «гремят мосты, все отстает и остается позади» [20, с. 237]. Это сама Россия, так и не давшая ответа на гоголевское вопрошание в «Мертвых душах», куда она несется. Именно поэтому Булгаков заканчивает свою поэму в X пунктах «Похождения Чичикова» пробуждением: жизнь продолжается, и продолжалась, пока рассказчик спал, и будет продолжаться в известном лишь ей направлении. Примечательна здесь параллель с другим булгаковским текстом – рассказом «Бубновая история», а также с гоголевским текстом – повестью «Нос», в которых, равно как и в «Похождениях Чичикова», сновидческие события описаны достаточно четко и подробно и полностью составляют сюжетную фабулу [4, с. 40–43].

Стоит отметить и переключку эпиграфа с гоголевской цитатой «Какой русский не любит быстрой езды?!», которую включает в текст Булгаков. Использование М.А. Булгаковым гоголевской фразы, ставшей крылатой, необходимо для создания комической ситуации: «Какой же русский не любит быстрой езды?! Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина» [19, с. 238]. Мы полагаем, что гоголевское выражение не только проникнуто комизмом, но и выступает значимой поэтической характеристикой русского общества. Если гоголевский контекст, содержащий его, звучит как гимн непознанной и таинственной русской душе, быстрой, непобедимой, гордой России, то у Булгакова прямая гоголевская цитата подчеркивает глупость современного общества, членами которого волей Са-

таны-шутника стали типы «мертвых душ». Даже кажущаяся простота характера кучера Селифана, героя «Мертвых душ», в булгаковском тексте перестает быть естественной: автор утрирует это качество характера героя. Сменивший лошадь на автомобиль, Селифан будто сам становится «механическим» героем, действующим почти бездумно, как пьяный. Употребление гоголевской цитаты в данном контексте необходимо автору для наиболее яркой передачи колорита и разрушительной постреволюционной эпохи [3, с. 101–102].

Примечательно, что М.А. Булгаков развивает гоголевскую трактовку российских реалий как абсурдного мира, который у него получает дополнительное искривление и перестает быть простой копией реальности. Булгаковская фантазмагория «Похождений Чичикова» изначально заявлена как «сон», трактующий действительность через характерную метафору: «Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью "Мертвые души", шутник-Сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулось из него бесконечная вереница. Манилов в шубе на больших медведях, Ноздрев в чужом экипаже, Держиморда на пожарной трубе, Селифан, Петрушка, Фитинья... А самым последним тронулся он – Павел Иванович Чичиков в знаменитой своей бричке. И двинулась вся ватага на Советскую Русь, и произошли в ней тогда изумительные происшествия» [19, с. 230]. Ад, преисподняя названы Булгаковым «мертвым царством», «царством теней». Именно здесь оказываются после земной жизни помещики-обманщики из «Мертвых душ» [4, с. 86]. В сне рассказчика они «вереницей тянутся» в Новую Россию, что символизирует их бесчисленное множество и стремительное упорядоченное движение (так они представлены и у Гоголя). Это приводит к «изумительным происшествиям», поскольку образы лживых, жадных, прожигающих жизнь в увеселениях помещиков оказываются связанными с нечистой силой, одолевающей их [19, с. 230]. Очевидно, что и у Булгакова, и у Гоголя сны сопряжены с потусторонним, инфернальным началом (и здесь возникает параллель не только с «Мертвыми душами», но и с «Портретом», в котором демонический образ мертвого старика также знаменует ад и мыслится проводником из мира мертвых в мир живых). Однако если в гоголевском творчестве сны играют сюжетообразующую роль, определяют судьбы персонажей, то у Булгакова «диковинный сон» символически предопределяет дальнейший ход событий. Упоминание в начальном эпизоде «Похождений Чичико-

ва» гоголевских «Мертвых душ» создает определенный эффект в плане содержательном: происходит возникновение читательской ассоциации с миром обманщиков и взяточников, уже описанном Гоголем в своей поэме. Выстраивается параллель прошлого и настоящего, гоголевской и современной Булгакову эпох: общество не изменилось, взяточничество, мошенничество, ложь, лицемерие по-прежнему маркируют реальность, они живут с человеком и в человеке.

Кроме того, обыгрывается в рассказе и восторг Булгакова перед яркостью характеров, созданных Гоголем, сочностью языка: «Чичиков ругательски ругал Гоголя: *Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырью в копну величиной!* Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. Ведь ежели узнают, что я – Чичиков, натурально, в два счета выкинут, к чертовой матери. Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...» [19, с. 231] (курсив наш. – О.О., Е.И.). Очевидно, что использование гоголевской цитаты из «Ночи перед Рождеством», выделенное нами, неслучайно. Во-первых, в претексте ругательство произносит Чуб в адрес «богобоязненного» кузнеца Вакулы, испугавшись, что тот его увидит в своем доме. Вакула «слыл лучшим живописцем во всем околотке» [20, с. 99]. Творческой «вершиной» Вакулы стала его картина с карикатурным изображением изгнания черта из ада. Во-вторых, дело здесь не столько в метафорическом соотношении живописца-героя с Н.В. Гоголем, словесным живописцем, так же «потешающимся» над чертом в своих ранних произведениях, сколько стремление прозаика обыграть гоголевский фамильярный, «смеховой контекст» (М.М. Бахтин) и перенести всю ту же карнавальную атмосферу в иные социокультурные условия.

Булгаков строит рассказ, раскрывая знакомые уже качества гоголевских героев в новой обстановке: в период становления новой России, в эпоху, по его словам, «торгового Ренессанса», достигая гротескного и трагического эффекта. Так, Чичикову в произведении Булгакова не приходится изменять старым привычкам: он «являлся всюду и всех очаровал поклонниками несколько набок и колоссальной эрудицией, которой всегда отличался» [19, с. 231]. Булгаков подчеркивает, что мошенникам и проходимцам, обличенных Гоголем, находится место и в эпоху нэпа, ведь в России, по сути, осталось все по-прежнему: «Куда ни плюнь, свой сидит» [19, с. 230]. Кстати, обстановка уже знакомых

герою мест несильно меняется, о чем свидетельствует, например, описание «той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал» Чичиков: «Все решительно в ней было по-прежнему: *из щелей выглядывали тараканы, и даже их как будто больше сделалось*, но были и некоторые измененьица. Так, например, вместо вывески «Гостиница» висел плакат с надписью: «Общежитие № такой-то», и, само собой, *грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел*» [19, с. 231] (курсив наш. – О.О., Е.И.). Последней фразой метафорически подчеркивается не только собственно бытовая грязь, но и «грязь» человеческая – моральный, духовный упадок.

Похождения Чичикова в Москве гротескно-абсурдны и фантастичны. Он умудрился поступить на службу, заняться аферами (в том числе торговлей, подрядами), получить миллиардные кредиты, продать наивной Коробочке Пассажа под булочную. Чичикова окружают в нэпмановской Москве хапуги типа Собакевича, ввали Ноздревы, невежды Кувшинное Рыло и Неуважай-Корыто, которые занимают важные посты, разгильдяи (Ротозей Емельян). Благодаря им процветает Чичиков. Трансформация гоголевских типов, использование их нарицательного смысла позволяли Булгакову усилить собственную сатиру, направленную против бюрократизма, бесхозяйственности, неразберихи, и создать фантазмагорическую картину, отражающую реальные недостатки: это касается прежде «деятельности» частных предпринимателей, обкрадывающих молодое государство, только становящееся на ноги после Гражданской войны.

Писатель создает комические ситуации, связанные с новыми сокращенными названиями учреждений, к которым еще не привыкли москвичи да и сам автор относится с некоторым сомнением. Так, Чичиков берет в аренду предприятие «Пампуш на Твербуле» и наживает на нем миллиарды. Впоследствии выяснилось, что такого предприятия не существовало, аббревиатура же означает «Памятник Пушкину на Тверском бульваре».

Благополучие дельца Чичикова все же рушится. И происходит это, как когда-то верно предсказал Гоголь, по человеческой глупости: «Без всякого желания сделать ему [Чичикову] пакость, а просто в пьяном виде, Ноздрев разболтал на бегах и про деревянные опилки, и о том, что Чичиков снял в аренду несуществующее предприятие, и все это заключил словами, что Чичиков жулик и что он бы его расстрелял» [19, с. 235]. Но глупыми, по Булгакову, оказываются не конкретные персонажи и/или их поступки в «Похождениях Чичикова», а сама бю-

рократическая система, сложившаяся в эпоху «торгового Ренессанса», с ее бесконечными инстанциями, хождениями по различным делам, бумажной волокитой. Глупостью также является «вырванность» из культурно-исторического контекста (утрата культурной связи с историческим прошлым страны). Об этом свидетельствует символический образ Гоголя-писателя, которого современное поколение не знает, в связи с чем Булгаковым вводится «обобщенный» герой без имени и лица, который Гоголя «как и все, в руки не брал, но обладал маленькой дозой здравого смысла» [19, с. 237]. Рассказчик называет такого героя единственным, кто определил, что Чичиков – мошенник. Обезличивание, стирание индивидуальных черт этого «единственного» героя определено, по мнению прозаика, стремлением Советской России «стандартизировать», уравнивать общество, с целью «правильного» распределения всем «по труду».

Бороться с тьмой и невежеством автор-рассказчик берется сам. К примеру, когда кинулись, наконец, искать Чичикова, он решительно предлагает: «Поручите мне». Вслед за Гоголем Булгаков использует прием включения автора-рассказчика в сюжет: «кто же, как не автор, должен сказать святую правду?» [21, с. 234].

Так рассказчик у Булгакова становится непосредственным участником собственного сновидения. Он появляется как иронический образ «некоего бога на машине» (измененное древнегреческое выражение «Бог из машины»), спасателя и «судии», который ведет строгий спрос со всех, ставя своей целью возвращение в Россию честного труда и почитания законов и нравственности («Чтобы стало тихо и честно») [19, с. 240–241].

Во сне литератору удается одержать победу над пороками современного общества. В благодарность за поимку Чичикова ему предлагают просить что угодно: «Так я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложил в трубку все сметные предположения, которые давно уже терзали меня: Брюки... Фунт сахару... лампу в 25 свечей... Но, вдруг вспомнил, что порядочный литератор должен быть бескорыстен, увял и пробормотал в трубку:

– Ничего, кроме сочинений Гоголя в переплете, каковые сочинения мной недавно проданы на толчке...

...Проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева и, главное, ни Гоголя...

«Э-хе-хе», – подумал я себе и стал одеваться, и вновь пошла предо мной по-будничному щеголять жизнь» [19, с. 241–242].

Отметим в «Похождениях Чичикова» очевидную смену стиливых регистров. Комедийный гротеск сменяется ностальгическим настроением, тоской из-за неустроенного быта:

«чуть было не выложил в трубку все сметные предположения, которые давно уже терзали меня», «увял и пробормотал», «хмурые бессонные ночи».

Таким образом, гоголевский реминисцентный слой со всей очевидностью прочитывается в «Похождениях Чичикова» М. А. Булгакова, на что указывает прежде всего жанровая номинация, подразумевающая активность «лирического» начала. При этом Булгаков не просто опирается на гоголевский опыт создания фантастически-абсурдной реальности посредством использования гротеска, создания комических и откровенно смеховых ситуаций, но и расширяет его посредством переосмысления приема «дикуинного сна». Похождения Чичикова в реалиях «нового времени» репрезентуются как сон, еще более подчеркивающий фантастическую природу новой российской действительности.

Список литературы

1. Васильева М.Г. Гоголь в творческом сознании М.А. Булгакова [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/642905-1-nvgo-gol-tvorcheskom-soznanii-mabulgakova.php> (дата обращения: 26.12.2017).
2. Горохов П.А. Историческая фантастика Михаила Булгакова. Опыт философского прочтения // Вестник ОГУ. 2004. № 4. С. 4–9.
3. Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Философия inferнального в творчестве Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Вестник ОГУ. 2008. № 7. С. 19–24.
4. Иванова Е.С. Гоголевское «слово» в творчестве М.А. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 225 с.
5. Иванова Е.С., Попова И.М. Сон как способ символической репрезентации действительности (на материале повестей Н.В. Гоголя «Нос», «Невский проспект», «Портрет», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», пьесы «Бег», фельетона «Похождения Чичикова») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4. Ч. 2. С. 86–90.
6. Иваньшина Е.А. Святочная семантика и гоголевский «след» в творчестве М.А. Булгакова («Зойкина квартира») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1214/> (дата обращения: 17.02.2018).
7. Иваньшина Е.А. Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М.А. Булгакова: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. 464 с.
8. Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 296 с.
9. Мельник Д.В. О значении фамилии Хлудов в пьесе М. Булгакова «Бег» // Вестник славянских культур. 2010. № 16. С. 47–52.
10. Менглинова Л.Б. Сатира в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2. С. 67–73.
11. Менглинова Л.Б. Апокалиптический конфликт в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 137–144.
12. Менглинова Л.Б. Социально-философская сатира в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 29–35.
13. Осьмухина О.Ю. Поэтика скандала в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 1. С. 46–50.
14. Осьмухина О.Ю., Короткова Е.Г. Хронотоп квартиры в малой прозе М. Булгакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). Ч. 1. С. 35–38.
15. Чудакова М.О. Гоголь и Булгаков // Гоголь: история и современность. М., 1985. С. 360–388.
16. Янушкевич А.С. Традиция жанрового стиля Н.В. Гоголя в русской прозе 1920–1930-х гг. Екатеринбург, 1999. Вып. IV. С. 34–48.
17. Спесивцева В.В. Переработка макрокомпозиции гоголевского текста в киносценарии М.А. Булгакова «Необычайное происшествие...» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 284–287.
18. Савина Е.А. Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова: «Собачье сердце»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 168 с.
19. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны / Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др. М.: Худож. лит., 1989. 751 с.
20. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Миргород. М.: Худож. лит., 1978. 333 с.
21. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Мертвые души. Поэма / Под общ. ред. С.И. Машинского и Х.Б. Храпченко. М.: Худож. лит., 1978. 541 с.

SPECIFIC FEATURES OF INTERPRETING GOGOL'S TRADITION IN «CHICHIKOV'S ADVENTURES» BY M.A. BULGAKOV

O.Yu. Osmukhina, E.S. Ivanova

In this article, using the comparative-historical method and the method of holistic analysis of a literary work, we attempt to understand Gogol's traditions in the works of M.A. Bulgakov. It is established that «Chichikov's Adventures» presents a grotesque image of Russia as witnessed by Bulgakov, where Gogol's characters of «The Dead Souls» are placed into the contemporary political and social realities. By comparing Gogol's era and post-revolutionary Russia of the 1920s, Bulgakov presents a cultural assessment of the contemporary society. Not only he relies on Gogol's experience of creating absurd reality through the use of grotesque, creating comic and frankly ridiculous situations, but also expands this grotesque by rethinking the device of «wonderful dream». «Chichikov's Adventures» in the realities of «modern times» are represented as a dream, emphasizing the fantastic nature of the new Russian reality.

Keywords: N.V. Gogol, M.A. Bulgakov, motif, device, story, plot, tradition, quote.

References

1. Vasil'eva M.G. Gogol' v tvorcheskom soznanii M.A. Bulgakova [Elektronnyj resurs]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. Rezhim dostupa: <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/642905-1-nvgogol-tvorcheskom-soznanii-mabulgakova.php> (data obrashcheniya: 26.12.2017).
2. Gorohov P.A. Istoricheskaya fantastika Mihaila Bulgakova. Opyt filosofskogo prochteniya // Vestnik OGU. 2004. № 4. S. 4–9.
3. Gorohov P.A., Yuzhaninova E.R. Filosofiya infernal'nogo v tvorchestve N.V. Gogolya i M.A. Bulgakova // Vestnik OGU. 2008. № 7. S. 19–24.
4. Ivanova E.S. Gogolevskoe «slovo» v tvorchestve M.A. Bulgakova: Dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2016. 225 s.
5. Ivanova E.S., Popova I.M. Son kak sposob simvolicheskoy reprezentacii dejstvitel'nosti (na materiale povestey N.V. Gogolya «Nos», «Nevskij prospekt», «Portret», «Majskaya noch', ili Utoplennica», «Strashnaya mest'» i romanov M.A. Bulgakova «Master i Margarita», «Belaya gvardiya», p'esy «Beg», fel'etona «Pohozhdeniya Chichikova») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 4. Ch. 2. S. 86–90.
6. Ivan'shina E.A. Svyatochnaya semantika i gogolevskij «sled» v tvorchestve M.A. Bulgakova («Zojkina kvartira») [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1214/> (data obrashcheniya: 17.02.2018).
7. Ivan'shina E.A. Kul'turnaya pamyat' i logika tekstoporozhdeniya v tvorchestve M.A. Bulgakova: Dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 2010. 464 s.
8. Kondakova Yu.V. Gogol' i Bulgakov: poehtika i ontologiya imeni: Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2001. 296 s.
9. Mel'nik D.V. O znachenii familii Hludov v p'ese M. Bulgakova «Beg» // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2010. № 16. S. 47–52.
10. Menglinova L.B. Satira v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2008. № 2. S. 67–73.
11. Menglinova L.B. Apokalipticheskij konflikt v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 1. S. 137–144.
12. Menglinova L.B. Social'no-filosofskaya satira v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye jajca» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 295. S. 29–35.
13. Os'muhina O.Yu. Pohtika skandala v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 3 (57). Ch. 1. S. 46–50.
14. Os'muhina O.Yu., Korotkova E.G. Hronotop kvartiry v maloj proze M. Bulgakova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12 (66). Ch. 1. S. 35–38.
15. Chudakova M.O. Gogol' i Bulgakov // Gogol': istoriya i sovremennost'. M., 1985. S. 360–388.
16. Yanushkevich A.S. Tradiciya zhanrovogo stilya N.V. Gogolya v russkoj proze 1920–1930-h gg. Ekaterinburg, 1999. Vyp. IV. S. 34–48.
17. Spesivceva V.V. Pererabotka makrokompozicii gogolevskogo teksta v kinoscenarii M.A. Bulgakova «Neobychnoe proisshestvie...» // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2008. № 69. S. 284–287.
18. Savina E.A. Misticheskie motivy v proze M.A. Bulgakova: «Sobach'e serdce»: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 168 s.
19. Bulgakov M.A. Sobranie sochinenij: V 5 t. T. 2. D'yavoliada; Rokovye jajca; Sobach'e serdce; Rasskazy; Fel'etony / Redkol.: G. Goc, A. Karaganov, V. Lakshin i dr. M.: Hudozh. lit., 1989. 751 s.
20. Gogol' N.V. Sobranie sochinenij: V 7 tt. T. 2. Mirgorod. M.: Hudozh. lit., 1978. 333 s.
21. Gogol' N.V. Sobranie sochinenij: V 7 tt. T. 5. Mertvye dushi. Poehma / Pod obshch. red. S.I. Mashinskogo i H.B. Hrapchenko. M.: Hudozh. lit., 1978. 541 s.